

Кирилл Волков

**НЕСЕРЬЕЗНАЯ
КНИГА
ОБ ОПУХОЛИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В 67

Волков, Кирилл.

В67 Несерьезная книга об опухоли / К.Волков; под ред. Е. Волковой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-17-088259-5

ВОЛКОВ КИРИЛЛ (1986 – 2015) – кандидат филологических наук, специалист по творчеству В. Набокова. Автор статей по русской и зарубежной литературе, опубликованных в России, Германии и США.

В апреле 2013 года у Кирилла обнаружили неоперабельную опухоль мозга. Прогнозы российских и европейских врачей были сходны: Кирилл мог прожить не более пяти месяцев. Однако благодаря помощи родных и друзей, поддержке сотен людей со всего мира, а главное – постоянной, ежедневной борьбе с болезнью, Кирилл прожил больше двух лет. Всё это время его жизнь была наполненной и плодотворной: увидели свет новые научные статьи, рецензии, были написаны эссе и пьеса-комедия. Но главным своим трудом Кирилл считал «Несерьезную книгу об опухоли», главы которой публиковал в интернете. Книга Кирилла оказалась неожиданно востребованной: ее читали и больные, и здоровые, родственники заболевших, читали онкологи и психологи, она стала опорой для многих людей, даря надежду и веру в себя.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-088259-5

© Кирилл Волков, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Посвящается маме, бабушке, Марине, всем моим друзьям, знакомым и незнакомым. Те, кому нужна помощь, обязательно найдут эту книгу. Тех, кто потерял надежду, книга найдет сама

Спасибо всем, кто помогал и помогает. Отдельная благодарность Александру Пушкину, Алексею Иващенко, Георгию Васильеву, Джону Леннону и сэру Полу Маккартни, выведших меня из самой жуткой депрессии в моей жизни

Сегодня проснулся в пять часов и понял, что надо срочно писать книгу об онкологии и публиковать главы в интернете. И назвать ее «Несерьезная книга об опухоли». Именно так, «Несерьезная книга об опухоли».

Вместо предисловия

Мдааа... Прочитал я названия книг о раке и онкологии (не буду называть авторов, а то меня обвинят, что я порочу их репутацию). Такое впечатление, что все они сумели выжить, находясь в центре Чернобыля, — они пережили онкологию. Уж лучше просто назвать: «Рак. Я выжил, но вы, скорее всего, умрете». Вообще установка на «выжить», а не «жить» очень характерна для таких книг. Даже у моей любимой Луизы Хей она есть, хотя и в меньшей степени. Нет ее только, по-моему, у Мирзакарима Норбекова в замечательной «Опыт дурака, или Ключ к прозрению» — воздушной, остроумной, ироничной книге. Правда, она вообще не об онкологии, но очень мне помогла. Я и сам думал называть книгу как-нибудь так: «Выжить с опухолью — Жить с опухолью — Жить без опухоли» (если все будет хорошо), но потом подумал: «Какое, к черту, «выжить»? Это звучит громко. Просто я живу — и все. И никаких гвоздей».

Помню, моя подруга Аля прибежала как-то в бар, где мы пили пиво, и сказала: «У нас на экзаменах спрашивали: «Какая самая смертоносная болезнь?». Мы, отставив пиво, сказали в один голос: «Рак!». А Аля: «Ни фиги, сердечный приступ!». Действительно, рак — самая мифологизированная болезнь.

Про нее никто (или почти никто) ничего не знает, поэтому все боятся — на всякий случай. Как вы думаете, сколько процентов онкобольных излечимы? 30%? 40%? Кто больше? А 50% не хотите? Страх делает свое разрушительное дело, превращая тревогу в мысленную установку на обреченность, на то, что ты ничего не в силах изменить... Именно она в большинстве своем и приводит к смерти.

Когда мне сказали, что у меня неоперабельная опухоль мозга, я не спал три недели. Смотрел на всех расширенными от ужаса зрачками, чувствовал наступающий паралич правой части лица («паралич», кстати, еще одно слово, которое действует гипнотически!), читал тысячи книг, повторял аффирмации, изучал буддийские медитации, делал зарядку для йогов, молился, пытался наладить диалог с опухолью, пил травы, делал китайские упражнения. И боялся, боялся, боялся. Это был жуткий страх. Как будто что-то темное, как ночь, и неимоверно тяжелое накатило на меня, придавило, холодной рукой вывернуло все внутренности наизнанку. Мне нужен был кто-нибудь, кто сказал бы мне: «Ты не умрешь!», протянул бы руку, объяснил, что это не приговор, что люди с этим живут, вылечиваются. А вместо этого я слушал совершенно не то.

ЗАПОМНИТЕ ИНСТРУКЦИЮ, КАК УСЛУГУ-БИТЬ ДЕПРЕССИЮ

Если вы хотите напугать и без того испуганного человека, скажите ему: «Держись!»

Если хотите, чтобы он запаниковал, скажите: «Я верю, что все будет хорошо».

Если желаете, чтобы депрессия перешла в бесконтрольный страх, говорите: «Есть надежда» или «Дай тебе бог!»

Повторяйте эти фразы ежедневно, и вас удивят результаты: поседевшие волосы, худоба, испуганные глаза, неверие ни во что. И это только начало! Оцените эксклюзивную фразу: «Держись, все будет хорошо», и для закрепления эффекта положите руку человеку на плечо. Можно еще добавить дурацкую фразу «Не переживай!»

Мне говорили: «Я верю, что надежда есть. Держись! Дай тебе бог», — то есть надежда только на бога, ты-то сам ничего не можешь сделать, так что держись. За что держаться? Во время шторма понятно за что, а здесь? Как я ненавидел эти «Держись!». Они меня заживо хоронили, рыли могилу из этих «Держись!». Не удивлюсь, если на надгробной плите будет надпись «Держись!». Дескать, мы знаем, что тебе там не очень, но ты уж постарайся как-нибудь...

Страх — очень специфическая вещь: человек верит не в то, что реально, а что реально именно для него, что живет в его воображении. Я очень люблю пример, который приводит в своих «Не-мемуарах» Юрий Лотман. Во время Второй мировой он брал юнцов под самый мощный обстрел, чтобы они научились не бояться. «Страх, — пишет Лотман, — рождается не объективными условиями (величиной опасности), а нашим к ним отношением. (Кстати, это прекрасно демонстрируют фильмы ужасов. Если дешевые фильмы порождают страх зрителя чудовищными кадрами, то Хичкок блестяще показал, что любой предмет, бытовой и безопасный, можно снять так, что зритель окажется на краю инфаркта от ужаса.)»

Болезнь — та же война. Были на войне люди счастливыми? Еще как! Были веселыми? Да. Сколько анекдотов пошло оттуда! Смехом прогоняли смерть. Но

нам кажется, что война — это беспробудный мрак. Нет, на самом деле это сдвинутая норма, в которой есть счастье и несчастье, жизнь и смерть, новая система координат (вообще, чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что добро и зло — самые относительные понятия: то, что для дикаря добро, для европейца зло, и наоборот). Подумайте, почему декабристы, вернувшиеся из Сибири, выглядели, по свидетельству Льва Толстого, моложе, чем те, кто их сажал? Бодрые, веселые, счастливые, полные энергии. Сибирь не разрушила, а лишь укрепила их. Если не верите Толстому, посмотрите на Михаила Ходорковского: он сейчас выглядит моложе, чем 10 лет назад, когда его арестовали. Значит, счастье относительно и задается привычкой («привычка свыше нам дана» и т.д.).

Ну, обнаружили у вас онкологию, и что делать? Да жить, как жили — хотя вы слабый, ездите на химиотерапию или, как я, почти не можете говорить. Но жизнь-то продолжается, поймите! Не существование, а жизнь — с ее Парижами и Нью-Йорками, безумными путешествиями и воспоминаниями, с пивом и друзьями, сумасшедшей музыкой, листопадом и росой, боевиками и эротическими снами, блеском солнца в лужах и встречами с замечательными людьми... Жалко, что мне этого никто не сказал тогда, когда я сидел, ел утреннюю кашу, а во мне пульсировало: «Ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь...», когда я гулял, а в голове стучало: «Ты умрешь...», когда я пытался читать, делать зарядку, смотреть телевизор, но все мое существо мне говорило эти слова.

Никто, кроме вас самих, не создаст ваше здоровье. Ни врачи, ни таблетки, ни химиотерапия... Только вы сами. С вашим солнечным ощущением

жизни, с вашими снами, с вашей первой любовью и тяжелым похмельем, с вашими друзьями, родными, книгами, путешествиями, мыслями, чувствами. Это и называется жизнь.

Мне пишут онкобольные, и даже от нескольких их строчек веет чем-то непроглядным, мрачным. Я понимал с первых слов, что болезнь прокралась, просочилась в их почерневшую кровь, мировосприятие, там нет места радости и свету, там стоит мрак. Я знаю, как вам тяжело, родные мои, как вас душит безденежье, неверие, сомнения, страх. Но только ваша установка на счастье, на изменение реальности внутри себя способны изменить внешнюю реальность. Других способов я не знаю.

Комментарии мамы

Письмо в личку: «Елена, здравствуйте! Наш б«а» класс собрал еще 40 000 руб. для Кирилла! Часть денег ребята сами заработали на ярмарке. Держим за вас кулачки! Вы борцы! Выздоровливайте».

Глава первая

Немного о себе

Меня спрашивают: кто ты, откуда? Я — такой же, как вы. Не лучше и не хуже. Я не психолог и не писатель, поэтому не знаю, как отвечать. Начну как есть.

Меня зовут Кирилл Волков. Мне 27 лет. Я закончил гимназию 1543 — чудесную, волшебную московскую гимназию, которая подарила мне друзей (точнее, Друзей), литературу, культуру. Культурный я человек? Наверное. Вернее, субкультурный. Как любой. Наш директор, Юрий Владимирович Завельский, — лучший из встречавшихся мне людей. На переменах он подходил к нам и рассказывал, как Станиславский в последний год своей жизни брал его работать в театр, как он встречался с Ахматовой. Да-да, вы не ослышались! Именно Станиславский и именно с Ахматовой. Он по-прежнему директор этой гимназии на Юго-Западе. Я учился в гуманитарном классе, делал доклады по Пушкину, Алексею Толстому, Бродскому, Камю, Набокову...

Что еще? Закончил музыкальную школу. Точнее, не закончил, но всем говорю, что закончил. Прочился 6 классов из 7. Бросил. До сих пор стыдно. Был ударником, всегда играл на фоне, потом забросил фоне, научился играть на гитаре (отец был потряса-

ющим гитаристом и в последние месяцы своей жизни многому меня научил). Сочиняю песни.

Потом поступил в РГГУ на историко-филологический факультет. Потом сразу в две аспирантуры, ИМЛИ и РГГУ, выбрал РГГУ, там же защитил диссертацию. Вообще, глупое словосочетание: от кого защитил? Сразу представляешь темную подворотню, хулиганов, которые пристают к девушке, и тут появляется он (то есть я) — рыцарь в сверкающих доспехах, ловко отбивающий девушку, которую очень изящно зовут Диссертация. В роли хулиганов выступили мои оппоненты, в роли подворотни — РГГУ. На деле рыцарь пришкандыбал вовсе не в доспехах, а с температурой под 40, и потом еще 2 недели валялся с пневмонией в больнице, куда был доставлен сразу после защиты.

Диссер был в два тома, о Набокове, с прелестными словосочетаниями типа «герменевтика интертекстуального вчувствования». Ворд красным выделил все три слова и правильно сделал. Сейчас это безобразие превращаю в более-менее изящную книжку.

Итак, я защитился в феврале прошлого года, потом начал лихорадочно оформлять документы. Это было сумасшествие! 40 документов, тщательно выверенных, заверенных несколькими печатями. Я-то думал, что самое сложное — защитить диссер, а оказалось, самое сложное ее заверить... Это совмещалось с гонкой по всей Москве от ученика к ученику (я преподавал английский язык на дому), плюс бесконечные доклады, работа в ИМЛИ, ускоренное изучение немецкого языка — вдруг захотелось выучить второй язык. Не было времени отдыхать. Я не замечал усталости. Это было самое нервное время в моей

жизни: я страшно ссорился со своей девушкой, с мамой, потом вся эта волокита с документами, суета, ел в Макдаках и в «Крошке Картошке», когда успевал...

Через некоторое время заметил, что у меня немеет кончик языка. Видимо, нервное перенапряжение спровоцировало болезнь, стало спусковым крючком, что ли... Ну, мало ли, что у кого немеет, буду я обращать внимание на всякую глупость! Стал замечать другие странности — сипело горло, постоянно нужно было его смачивать водой. Уставать начал (я думал, что это последствия пневмонии). Помню, один раз я после ученика так устал, что отменил второго, чего прежде никогда не было. Мне везде предлагали чай, пытаюсь тщетно избавить меня от сипения. Язык немел (простите за оксюморон, филологи меня поймут).

ОТДЫХАЙТЕ ПОБОЛЬШЕ! НЕ ЗАМАТЫВАЙТЕСЬ! СТОИТ ОНО ТОГО? МНЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОТ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ ЗАВИСИТ МОЯ ЖИЗНЬ. ОКАЗАЛОСЬ, ЖИЗНЬ ЗАВИСИТ СОВЕРШЕННО ОТ ДРУГОГО...

Я на всякий случай пошел к врачу, она посмотрела меня, поцокала языком, когда я ей показал горло, глаза... Побежала, привела невропатолога. Та посмотрела глазное дно. Сказала, что у меня нарушены глотательные рефлексы, глазное дно на что-то там не реагирует. Короче, велели сделать МРТ, всех учеников отменить, и что если я буду сопротивляться, могу лишиться ноги или руки. Последнему я не придал значения, решил просто отдохнуть, «принять ванну, выпить чашечку кофе». Звонил ученикам и страшно гордился почему-то фразой «Врачи рекомендовали мне временно прекратить занятия». Смотрел мультики, ел пиццу...

На следующий день поехал делать МРТ. Меня засунули в какую-то адскую штуковину, в которой я не мог двигаться, и начали пропускать через меня электромагнитные импульсы со страшным звуком. Те, кто делал, знают, что это такое. Тем, кто не делали, этого не опишешь. Беруши не помогали. Сделали за 40 минут. Говорят: у вас образование в мозге. Скорее всего, энцефалит. Я ничего не понял. Спрашиваю: «Это что значит? Опухоль?» Не помню, что они ответили. Сказали только, что это излечимо...

Вот иду я по мосту во тьме и думаю:

ДИССЕРТАЦИЯ ПРИВОДИТ К ТРАВМЕ МОЗГА

Шум машин, отблески фонарей в лужах. То, что образование в мозге, меня не смутило. Мой папа всегда говорил: «Образование — в мозгах!». Особенно «приятно» было говорить о том, что у меня «образование в мозгах», моей девушке, у которой первый парень умер от кисты в мозге. В общем, все на нервах...

На следующий день поплелся в поликлинику сдаваться. Говорю: так, мол, и так, энцефалит у меня. Вызывают «скорую», долго везут в больницу. Помню, я в машине «скорой» нагло лежал, глаза по сторонам, как кот на солнышке. Я запомнил это, потому что в тот день у меня было отличное настроение. В инфекционной больнице меня осмотрел умный, молодой, бойкий еврей. Говорит, на энцефалит не похоже. Сыпи нет, кожа нормальная, глаза не слезятся. Везите дальше, мы его не имеем право принимать. Напишем в истории болезни, говорит, самый страшный диагноз... Я думал: вот ведь! Такой умный врач, а пишет «самый страшный диагноз»! Вот дурак! Какое я имею отношение к этому? Я же знаю, что этого просто не может быть.

Глава вторая

Добрые глаза

Привезли меня в Боткинскую. Мне было жалко персонал «скорой помощи», который вместо того чтобы быть дома с семьей, возил меня из больницы в больницу. Их рабочий день давно закончился, а они, бедняги, возились со мной. Оформили, отвезли в палату. Потом вызвали к врачу — красивой, молодой женщине с добрыми глазами. Она смотрела мою МРТ. Долго. Вызвала трех врачей для консультации. Те посмотрели МРТ. Она говорит: «Что это?». Они: «А сама как думаешь?». Ушли. Я спрашиваю: «Ну, что там?». Она говорит тихо: «Закройте дверь». Долго мялась. Потрескивал электрический свет. Страшно хотелось есть. Врач говорит: «У вас опухоль». И грустно-грустно так смотрит добрыми глазами. Я спрашиваю: «Это лечится?». Она будто бы пыталась найти опору своими добрыми глазами, осмотрела весь кабинет, ничего не нашла, потом сказала совсем тихо: «Нет». Я говорю: «А операция?». Она отвечает: «Если ее можно сделать...»

Сказала бы, что есть химиотерапия, лучевая, что лечится, но долго, дала бы хоть какой-нибудь шанс. Человек — очень живучая тварь, он будет, как плющ, цепляться за любые неровности в стене, поднимаясь к солнцу. Человек способен очень многое перенести,

ползти к жизни, хватаясь за нее ногтями, зубами, надеждой, верой... Моему другу Леше Круглову поставили такой же диагноз, даже хуже. Выживаемость — 3%. Сейчас, спустя 5 лет, он даже ходит в университет... Но я ничего этого не знал.

Почему она так сказала? Ведь когда говорят, что есть хоть какой-то шанс, ты начинаешь раздувать этот спасительный уголек, нежно очищая его от золы, и он со временем превращается в пламя. Не сразу. Если ты в него вкладываешь всю любовь, всю надежду, всю жажду жизни... И даже если нет этого шанса (хотя, по мне, он всегда есть), зачем лишать человека надежды??? Ради чего? Ради вашей чертовой врачебной честности? Чтобы человек знал, что умирает? «Кто сказал, что человеческая природа в состоянии вынести это без сумасшествия? Зачем такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное? Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: «Ступай, тебя прощают». Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил. Нет, с человеком так нельзя поступать!» (Ф. М. Достоевский. «Идиот»).

Мне сказали, что я неизлечим. Что я умру. Понимаете? Что я умру. Я УМРУ. Вокруг нас умирают люди. Я сам потерял папу несколько лет назад. Многого тогда пережил. Думал, что про смерть знаю все. Но тут тебе говорят: ты умрешь, твое «я» — все твои воспоминания, твои мечты, твоя нежность, твои мысли, твои привычки, книги, знания, то, как ты болтаешь с друзьями, бегаешь босиком по росе, читаешь стихи, влюбляешься, влюбляешься, бесконечно влюбляешься, вкус твоего любимого шоколада